

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ФОЛЬКЛОР ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В. С. Бахтин. 1000 частушек Ленинградской области. Записи 1954—1968 гг. Л., 1969; Сказки Ленинградской области, серьезные и несерьезные, озорные и не очень, байки, народные анекдоты и прибаутки. Собрали и подготовили к печати В. Бахтин и П. Ширяева. Л., 1976; В. Бахтин. Песни Ленинградской области. Записи 1947—1977 гг. Л., 1978.

Богатая коллекция фольклорных записей, собранных В. С. Бахтиным в Ленинградской области за 30 лет, достойна развернутой публикации. Ряд частушек и многие разделы песенного сборника — приговоры дружки и причитания, игровые и плясовые песни, фольклор Великой Отечественной войны и др. — открывают читателю новые стороны в народном творчестве края. О научном значении сборника сказок¹ говорит уже то обстоятельство, что устная проза мест, прилегающих к Ленинграду, до сих пор не публиковалась в специальном издании. И все же проблема, волнующая собирателя, раскрывается не столько в текстах, сколько в справочном аппарате изданий.

В указателях мест записи текстов обращают на себя внимание пометки вроде: «Записано в поезде», «борт теплохода „Антон Рубинштейн“ — р. Енисей». В списках исполнителей мы находим и группу учащих ленинградского ПТУ № 45, и безымянную гардеробицу Лениздата, и неизвестную из Новой деревни Бокситогорского р-на. Некоторые сказки записаны школьниками от своих бабушек, присланы Бахтину и включены в сборник наравне с его собственными записями, записями П. Г. Ширяевой и других фольклористов. Разумеется, в рецензируемых изданиях представлен репертуар преимущественно знатоков народного словесного искусства: сказочников А. К. Воробьева, Л. Л. Леонтьева, П. К. Тимофеева, исполнительниц песен и частушек Л. Я. Ивановой, Т. М. Тарасовой, М. Н. Тихоновой и др. Но и к «случайным» исполнителям В. С. Бахтин, на мой взгляд, проявляет внимание не меньше.

Думается, особую ценность для собирателя представляют произведения фольклора, вдруг неожиданно всплывшие в памяти собеседника в разговоре по самым различным поводам. Подобные записи показывают, что фольклорист умеет воскресить в людях, давно отошедших от традиционной песни или сказки, воспоминания о духовной культуре времени их молодости и даже детских лет.

По существу В. С. Бахтина интересует (да не убоимся расхожего в литературной критике штампа!) связь времен в духовном мире современного человека, притом жителя Ленинградской области либо выходя из нее. И здесь горизонты его интересов расширяются до охвата судьбы фольклорной традиции такого сложного региона, как Петербургская губерния в прошлом и Ленинградская область в настоящем. Вопрос о целесообразности собирания фольклора в этих местах задавал себе, наверное, каждый исследователь, бравшийся за подобную работу. Неоднократно ставил его себе и Бахтин, причем от работы к работе у него крепла уверенность в существовании в Ленинградской области древнейшего слоя народной поэзии. Если в предисловии к сборнику сказок составитель связывает этот слой лишь с местами, не знающими интенсивного движения населения (Сказки..., с. 4), то в сборнике песен, где преобладают записи последних лет, он пишет: «Коренной элемент устоял, переборол или переварил разнородные пришлые элементы и в целом сохранился, снова возобладал в обычаях, в речи, в народной культуре» (Песни..., с. 9).

Это положение полностью подтверждают материалы, включенные в песенный сборник. Древний народный обычай хлестать друг друга вербой в вербную субботу иллюстрирует редкостная для современных фольклорных сборников стихотворная приговорка (№ 94). По всей Ленинградской области — от Луги до Тихвина и Присвирья — живет в памяти сельских жителей колядное величание с одним и тем же сюжетом или же только завершающие его строки с требованием подаяния певцам. Свадебный обряд включает все свойственные ему фольклорные жанры: песни, причитания, приговоры дружки, старшей подружки и других чинов. Помимо известных в вариантах из других

¹ Данная книга, подготовленная В. С. Бахтиным совместно с П. Г. Ширяевой, включает также материалы из архива ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом).

ленинградских публикаций, записи Бахтина знакомят нас и с редкими свадебно-обрядовыми текстами. Среди них — песни, содержащие приглашение поезжанам войти в дом невесты (№ 45, 46), поочередное выкликание родственников невесты (№ 47)², устойчивые «формульные» приветствия, произносимые свекром и свекровью при встрече поезда от вена (№ 55—56), а в конце «большого стола» — причитание невесты с благодарностью подружкам за участие в свадьбе (№ 80).

Отдельные строки обрядовых текстов прямо восходят к давней традиции. В свадебном причитании № 1 поется: «У нас записи записаны, зеленое вино выпито...». Речь здесь идет о «рядных» либо «сговорных» — брачных контрактах, принятых в прошлом в различной социальной среде, в том числе и у крестьян³. В одном из причетов «могилушка» называется «крутоскладеной». Не указывает ли этот эпитет на конфигурацию древних захоронений, разбросанных на северо-западе республики?

Сборник устной прозы интересен своим локальным колоритом. Тексты, вошедшие в него, отражают народную культуру, сформировавшуюся под влиянием Петербурга. «Он видит афиши везде набиты, значит, по случаю прибытия царских дочерей, все открыты рестораны бесплатно, кто чего желает» (с. 98) — такое описание явно навеяно бытом столичного города. «Отец тогда поверил ему и извинился перед прежней женой» (с. 112) — меры для восстановления справедливости, принятые обманутым персонажем в духе современной этики и не традиционные для классической сказки. «Я постан бо-гом... обрадовать вас, — изъясняется герой сказки, совсем как в чувствительном романе, — вы сидите в заключении и не видите ни одного мужчины и не знаете, что такое радость иметь при себе друга» (с. 118). Сказки ярче, чем песни, показывают, как новое ассимилировалось старым, а песня в отличие от сказки более ярко представляет устойчивость явлений народного творчества. Поэтому о влиянии Петербурга на песню мы можем судить скорее по песенному репертуару, нежели по стилистическим особенностям самих традиционных народно-поэтических произведений.

По отбору материала сборник сказок, на мой взгляд, несколько уступает песенному, хотя среди восьми десятков напечатанных в нем текстов преобладают оригинальные, доносящие именно устную традицию (№ 5, 7, 8—10, 17, 51, 81 и др.). Столь же интересны народные пересказы произведений любочной литературы — повести о Ерше Ершовиче и сказки об Илье Муромце. В пересказе № 64 обращает на себя внимание эпизод, отсутствующий в лубке, но известный по устным вариантам: исцеление Ильи⁴. Но стоило ли включать в книгу ограниченного объема тексты, являющиеся близкими вариантами сказок из популярных сборников, рассчитанных на массового читателя (№ 12, 18, 54, 56, 57, 72, 74, 77), или приводить в четырех вариантах одно и то же произведение (№ 45, 55 — данная запись иллюстрирует полное разложение сюжета — № 63 и 66), если ресурсы, из которых можно черпать свежий материал, составителями до конца не использованы? Так, В. С. Бахтин указал, что ценнейший репертуар сказочника В. И. Харламова, за исключением одной сказки, не вошел в сборник из-за недостатка места. П. Г. Ширяева поместила в эту книгу только 33 текста из 466 (!), записанных ею, А. Н. Лозановой, М. Я. Мельц и другими фольклористами Института русской литературы АН СССР в 30—40-е годы в Ленинграде⁵ области.

В сборнике частушек не так много четверостиший, встречающихся в ранее изданных ленинградских материалах. Обновление репертуара заметно даже в тех частушках, которые составитель отнес к дооктябрьскому периоду. Публикация В. С. Бахтина фиксирует, таким образом, факт непрекращающегося развития материала в рамках местной традиции. Поэтому областная характерность ленинградской частушки менее свойственна, нежели сказке. Правда, собиратель не попал в тот район области, где бытует своеобразная по напеву и структуре стиха (повторы отдельных слов) «спасовская» частушка, без сомнения, придавшая бы сборнику оттенок местного своеобразия. Но в конце концов район бытования «спасовской» составляет лишь малую часть Ленинградской области.

Сборник частушек, получивший в свое время положительную оценку и подробное освещение в рецензиях⁶, становится понятным во всех своих деталях лишь в совокупности с песенным и сказочным сборниками, ибо вся эта фольклорная трилогия представляет нам народное творчество Ленинградской области в его динамике, в отношении к различным аспектам этнической истории края. И частушка, ярче любого другого жанра традиционного фольклора, должна и может отразить современные процессы культурной интеграции населения.

Коренное отличие рецензируемых изданий от предыдущих сборников фольклора Ленинградской области — предназначенность для широкого круга читателей. Из круга

² Здесь приходят на память сцены северной свадьбы: невеста не принимает подарки без позволения отца, матери, брата и т. д., домочадцы не пускают поезжан в дом без такого же позволения.

³ Редкое свидетельство о дальнейшей жизни этого обычая см.: В. Н. Мальковский. Свадебные обычаи, песни и приговоры у крестьян Рыбинской волости. — «Живая старина», XIII, 1903, в. IV, с. 426.

⁴ П. И. Ровинский. Русские народные картинки. Кн. 1. «Сказки и забавные листы» [б. м.], 1881.

⁵ Наиболее развернутая из них принадлежит З. И. Власовой. См. «Русский фольклор» XII. Л., 1971, с. 293—295.

адресатов, обычного для большинства первопубликаций произведений народного творчества, исключены «специалисты-фольклористы», вместо них названы агитаторы, социологи, учителя и др. (Сказки..., с. 2). В этом кругу непереносимое в аннотациях указание «и всем тем, кто интересуется...» становится не формальной отпиской, а подлинной расшифровкой замысла составителей.

Неакадемический характер изданий подчеркнут и в названии — «сказки серьезные и несерьезные, озорные и не очень...». Его поддерживают и присказки, послловицы, цитаты из народно-поэтических текстов, используемые в качестве заглавий разделов, связей между отдельными сказками. Принятый тон помогают сохранить и пояснения составителей, их воспоминания, дающиеся прямо в корпусе текстов как интермедии. В этой же роли в песенном сборнике можно было бы использовать описание обрядов, упрятанное составителем в комментарий.

Живая интонация сохранена и во вступительных статьях. В. С. Бахтину удается очень просто и живо рассказать не только об эволюции фольклорных жанров, о состоянии народно-поэтической традиции на сей день, но и о текстологических принципах изданий, что уже значительно сложнее. Правда, желание упростить изложение иногда приводит автора к неточностям. Анализируя строку замечательной солдатской песни, он подчеркивает особое значение возгласа «ох», передающего, по его мысли, тяжесть солдатской доли (с. 7). Но частица эта, как показывает весь текст, является «специально-песенной», чередующейся с «ой» и «да». «В живом исполнении, — отмечает автор, — все это легко меняется, поскольку во многом носит импровизационный характер» (с. 16). Неудачным представляется и предположение: «А что рассказывали датские мужики, у которых подслушал эту историю («Свинопас». — М. Л.) Андерсен? То же самое, уверен, что и русские» (с. 250). Между тем автобиография Г. Х. Андерсена («Сказка моей жизни») не позволяет даже выдвинуть в такой форме подобного предположения, ибо писатель достаточно подробно поведал нам о людях, рассказывавших ему сказки.

Обращение к широкому читательскому кругу не заставило В. С. Бахтина изменить принципам публикации фольклорных текстов, обычных для специальных изданий, за исключением передачи фонетических особенностей народной речи. Очень внимателен собиратель к ударению в частушке, которое не совпадает с нормативным. Последовательно воспроизводит он строфику народной песни либо дает необходимый по этому поводу комментарий. Каждый сборник снабжен словарем редких слов. Можно было бы ввести сюда и такие слова, как «вышка», «головашки» (частушки), «обряжаться», «полесня» (сказки), «застреха» (песни).

По подходу к классификации материала особый интерес представляют «1000 частушек...». В отличие от авторитетных изданий последних десятилетий, где частушки были распределены по географическому либо хронологическому принципу, в основу рассматриваемой работы положен тематический принцип, хотя проведено деление частушек на дооктябрьские и послеоктябрьские, а также соответственно наигрышам: на «Русского», на «Семеновну», на «Солому» и др. И все же объединение частушек сходного содержания в отдельные разделы позволило составителю заострить внимание читателя на различных оттенках богатого мира чувств: ожидание милого или милой, страх признания в любви, измена, верность, боязнь худой славы и многое другое. Эстетическое начало в данном случае нисколько не противоречит стремлению составителя к скрупулезному упорядочению материала.

Остальные сборники смонтированы по установившимся принципам, и классификация фольклорных произведений вызывает спор лишь в редких случаях. Например, текст № 3 из сборника сказок неверно назван бывальщиной. Это новеллистическая сказка на широко распространенный сюжет «Муж возвращается на свадьбу своей жены»⁶. Свадебные песни и причитания, записанные в различных регионах Ленинградской области, без всяких оговорок объединены в сборнике в одну композицию, хотя здесь могут встретиться тексты, известные в одной местности и, возможно, совсем неизвестные в другой. Трудно сказать, что лучше для массового издания: то ли неполные записи и повторы, но с соблюдением единства места и времени фиксации, то ли сводные композиции. Если и признать целесообразность второго решения, то необходимо применять его так, чтобы не терялась локальная определенность материала. Ее помогает сохранить такой простой прием, как указание на место записи непосредственно при текстах.

Перелистывая еще раз сборники песен, сказок и частушек, витываясь в замечательные, прекрасно сохранившиеся тексты, понимаешь, что фольклор Ленинградской области донес до сего дня подлинные сокровища народной поэзии во всей силе и яркости...

М. А. Лобанов

⁶ Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе А. Аарне. Л., 1929. № 891.